

ЖАЖДА

A movie poster for the film 'Жажда' (Thirst). The title is written in large, golden, stylized Cyrillic letters at the top. Below the title, a man with dark hair and a serious expression is shown from the chest up, wearing a dark coat. He is holding a young woman with long brown hair and a pale complexion. She has a white bandage wrapped around her right wrist. To the left, another woman with long dark hair and dark lipstick is looking towards the camera. The background features a large, full red moon and a dark, gothic-style building with spires and lit windows. The overall atmosphere is dark and mysterious.

Книга 1

Офелия офелия
Жажда. Книга 1

«Автор»

2026

офелия О.

Жажда. Книга 1 / О. офелия — «Автор», 2026

«Не советую тебе туда ездить, Нора. Оставь это место в покое». Отец никогда не вдавался в подробности. Он просто молча положил передо мной связку тяжелых железных ключей от особняка умершей бабушки, затерянного в глуши Рэйвенсхолма. Но в мои девятнадцать лет запрет сработал наоборот. Я ожидала увидеть руины, но заброшенный дом встретил меня идеальной чистотой, могильным холодом и свежей полынью на окнах. А ночью половицы наверху ожили под тяжелыми шагами того, кто не должен существовать. Встреча с Кейном — пугающе красивым мужчиной с ледяной кожей — обернулась фатальной, одурманивающей страстью. Но за нами обоими уже следит Мариэлла — безжалостный вампир. Раскапывая архивы 1843 года, я надеялась найти спасение, но наткнулась на страшную правду. Мариэлла никогда не была человеком. Она — древний создатель Кейна. Сможет ли хрупкая смертная выжить в садистской игре бессмертных существ, если её собственное сердце уже принадлежит монстру?

© офелия О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Жажда. Книга 1

Книга первая

Глава 1

Не знаю, зачем я это делаю. Может быть, потому что за последние три недели я не сказала вслух ни одной настоящей фразы — только «да, я подпишу», «нет, вопросов нет», «спасибо, что предупредили» — и мне физически необходимо было хоть где-то произнести то, что происходит на самом деле. Бумага не перебьёт, не отведёт взгляд, не сменит тему. Значит, буду говорить с ней.

Итак: меня зовут Нора Эштон, мне девятнадцать лет, и три часа назад я въехала в город, о существовании которого не подозревала ещё месяц назад.

Папа не хотел, чтобы я ехала. Если быть точной — папа не хотел, чтобы этот дом вообще существовал в его жизни, а я оказалась той несчастливой случайностью, которой пришлось напомнить ему, что прошлое нельзя просто запереть на ключ. Я до сих пор помню его лицо в тот вечер, когда пришло письмо от нотариуса: как он молча читал его за кухонным столом, как его пальцы судорожно сжали стакан с водой, так что побелели костяшки. Рука застыла на середине движения. Потом он побледнел — по-настоящему, став серым, как пепел, — и сказал голосом, от которого у меня внутри всё заledenело:

— Разбирайся сама, Нора. Я туда не вернусь. Никогда.

Я спросила почему. Спросила, что не так с домом бабушки Элеанор, которую я никогда не видела, о которой он за девятнадцать лет моей жизни обмолвился едва ли десятком слов. Он не ответил. Просто вышел из кухни, хлопнув дверью так, что задрожали старые чашки в буфете. А на следующее утро молча положил на стол связку тяжелых, потемневших от времени ключей и помятый лист с адресом.

Я не самая смелая девушка на свете. Но я упрямая — это папино собственное определение, которое он бросал мне в лицо каждый раз, когда я отказывалась уступать. И вот эта упрямость, замешанная на обиде и глухом любопытстве, усадила меня за руль его старого, пропахшего бензином и кофе седана в понедельник утром и повезла через три штата к городу с названием, которое звучало так, будто сошло со страницы готического романа: Рэйвенсхолм.

Городок появился из-за поворота внезапно, будто кто-то резко отдернул тяжелый бархатный занавес. Черепичные крыши, выкрашенные в пастельные тона — кремовый, небесно-голубой, нежно-розовый. Флюгера в форме воронов — на каждой второй крыше, серьёзно, — медленно поворачивающиеся на ветру с тихим, почти музыкальным скрипом. Аккуратные палисадники, где даже сорняки и дикий плющ будто были подстрижены специальными садовниками для создания идеальной картинки. Солнце било прямо в лобовое стекло — ослепительно, без единого облака на ярко-синем небе. Я невольно подумала, насколько странно и даже пугающе то, что место с таким мрачным «птичьим» названием оказалось самым солнечным городом, какой я видела за последние годы. От этой безупречности веяло чем-то искусственным.

Заправка на въезде оказалась, кажется, единственной на весь город. Мужчина за колонкой — плотный, в потертой кепке — расплылся в широкой улыбке, стоило мне только опустить стекло и впустить внутрь салона приторный запах местной цветущей липы.

— Первый раз у нас, мисс? — спросил он так тепло, будто мы были знакомы вечность, а я просто уезжала на выходные.

— Да. Приехала по наследству, — ответила я, сжимая влажными ладонями руль.

Он не спросил, чьему. Не удивился. Просто понимающе кивнул, вытер узловатые руки о масляную тряпку, заткнутую за брезентовый пояс, и произнес:

— Добро пожаловать домой, мисс. У нас тут все свои. Вы быстро привыкнете.

Городская площадь встретила меня оглушительным запахом карамели из кондитерской на углу и ароматом свежескошенной травы. Все вокруг казалось декорацией к старому добром фильму. Женщина в цветастом переднике, торговавшая прохладительными напитками, вынесла мне запотевший стакан лимонада просто так, «в честь приезда», и наотрез отказалась брать мятые долларовые купюры. Я села на теплую деревянную скамейку у фонтана, пила ледяной лимонад с острой кислинкой лимона и мятным листом, тающим на языке, и чувствовала, как тяжелый комок внутри меня, сжатый в кулак ещё в тот вечер, когда папа побледнел над письмом, начинает наконец медленно, осторожно разжиматься.

Городок был совершенен. Настолько совершенен, что я поймала себя на абсурдной, неуместной мысли: будто я не в реальное географическое место приехала, а шагнула внутрь чьей-то очень тщательно продуманной, очень приторной и доброй лжи. Будто этот фасад из цветов и улыбок построили специально для того, чтобы скрыть что-то уродливое.

Тогда я ещё не знала, насколько близко эта глупая мысль была к правде.

Я нашла дорогу к дому по старой карте, которую нотариус приложил к официальному письму, — карте, нарисованной, судя по плотности бумаги и выцветшим фиолетовым чернилам, ещё в прошлом веке. Улица Ворона, дом двенадцать. Табличку с названием я заметила не сразу — старая кованая стрелка выросла в дикий плющ настолько плотно, что цифры на ней читались с трудом, проступая сквозь зелень как старые шрамы.

Дом стоял на самом отшибе, у подножия густого, темного леса, за невысокой чугунной оградой, полностью потемневшей от времени и покрытой ржавчиной. Первое, что я почувствовала, выйдя из машины и хлопнув дверцей, было не удивление и не страх. Это был холод. Пронизывающий, резкий, ледяной воздух, абсолютно невозможный и неуместный в этот июльский полдень. Я сделала вдох, и легкие обожгло, будто на дворе был глухой ноябрь, а из рта вырывалось слабое облачко пара. Я посмотрела на свои руки — кожа мгновенно покрылась крупными мурашками.

Особняк был красив тем особым, тревожным и величественным образом, каким бывают красивые вещи, простоявшие нетронутыми слишком долго. Три этажа тёмного, почти чёрного тесаного камня. Резные оконные рамы, заметно потрескавшиеся от времени, но абсолютно целые, без единой трещины в стеклах. Плющ оплёл половину фасада так плотно, что казалось, будто дом сам постепенно зарастает собой, прячется от мира за глухой зеленой завесой. Ставни на первом этаже были закрыты — все до единой, наглухо, — хотя стёкла на втором и третьем этажах блестели чисто, отражая ясное небо, будто их протирали буквально на прошлой неделе.

«Сто лет пустовал», — сказал мне нотариус, пряча глаза. Сто лет — и ни единого следа настоящего разрушения или диких птичьих гнезд снаружи, если не считать этого вездесущего плюща.

Я подошла к тяжелой дубовой двери. Сердце колотилось в самые ребра, отдаваясь глухим стуком в ушах. Старинный ключ провернулся в замочной скважине неожиданно легко — без скрипа, без малейшего сопротивления, словно петли только что смазали маслом. И эта идеальная, плавная лёгкость почему-то напугала меня сильнее, чем любой ржавый скрежет.

Дверь отворилась внутрь, в абсолютную, вязкую темноту, и мне в лицо пахнуло — нет, не вековой пылью или плесенью заброшенного жилья, как я ожидала. Это был другой запах. Горький, резкий, травяной, почти лекарственный аромат, от которого запершило в горле. Я узнала его не сразу, напрягая память: полынь.

Я подняла голову. Целая связка сухих серебристо-зелёных стеблей висела прямо над прилокой, перевязанная яркой, выцветшей лишь по краям красной нитью. Трава была сухой,

но, судя по сочному, сохранившемуся оттенку листьев и сильному аромату, она висела здесь не сто лет. Ей было от силы недели две.

Первая мысль, отчётливая, острая, будто произнесённая кем-то чужим прямо мне в ухо, заставила меня замереть на пороге: кто-то приходил сюда совсем недавно. Кто-то заходил в мой дом.

Глава 2

Внутри было чисто. Абсолютно, стерильно, пугающе чисто — ни единой пылинки на тёмном паркете, отражавшем свет из открытых дверей, ни одной паутины в углах высокого сводчатого потолка. Мои шаги отдавались гулким эхом — слишком громким для дома, в котором должна была царить мертвая тишина столетнего запустения. Вместо этого тишина здесь была плотной, вязкой, тяжелой, будто сам воздух вокруг меня затаил дыхание и наблюдал за каждым моим движением.

Я щёлкнула круглым выключателем у двери — не всерьёз, скорее по глупой привычке городского жителя, — и вздрогнула, едва не выронив сумку, когда под потолком с тихим треском действительно зажглась хрустальная люстра. Ровный, желтоватый свет залил холл.

Рабочее электричество. В доме, который официально пустовал целый век. Какого черта здесь происходит?

Я почувствовала, как колени начинают подкашиваться от подступающей паники. Опустившись на нижнюю, обтянутую потемневшим бархатом ступеньку широкой парадной лестницы, я дрожащими пальцами достала телефон, чтобы написать отцу. Экран послушно загорелся. «Нет сети». Ни единой полоски. Полная изоляция.

Вдруг где-то в глубине дома — далеко, на верхних этажах — тихо, протяжно скрипнула половица.

Я замерла, почти перестав дышать, вслушиваясь в пространство так напряжённо, что слышала бешеный пульс в собственных висках. Ничего. Только странное, едва уловимое гудение — далёкое, ровное, будто на кухне работал современный холодильник, хотя саму кухню я ещё даже не видела.

«Просто дом оседает, Нора, — приказала я себе, зажмурившись. — Старые доски, разница температур. Обычная физика».

Но, для честности перед этой страницей дневника: я не поверила себе ни на одну секунду.

Второе утро в доме я решила посвятить тому, чего так трусливо избегала накануне из чистого, животного изнеможения, — полноценному обходу особняка. При дневном свете, когда чудовища ночи кажутся нелепыми, я вооружилась тяжелым фонариком и решимостью.

Библиотека на первом этаже поразила меня больше всего — высокие, до самого потолка стеллажи тёмного дерева, плотно заставленные книгами в старинных кожаных переплётах. Некоторые тома выглядели так, будто их страницы рассыплются в прах от одного прикосновения. Среди привычных классических романов я обнаружила целый закрытый раздел, посвящённый ботанике. Потрёпанные травники восемнадцатого века были испещрены пометками на полях — убористым, острым, как бритва, почерком.

Я наугад пролистала один из них и застыла. Страница была посвящена полыни. Рядом с латинским названием *Artemisia absinthium* кто-то размашисто приписал чернилами: «Действительна против них. Развешивать свежую, не реже раза в две недели. О. никогда не забывать».

«О.». Я не знала, кто скрывался за этим инициалом, но это имя — или его часть — выжглось в моей памяти.

Столовая оказалась завешана тяжёлыми гобеленами с изображениями сцен охоты, на удивление не выцветшими, а музыкальная комната на втором этаже хранила старинный рояль. Я робко коснулась одной клавиши. Звук вышел чистым, глубоким и идеально настроенным. Будто настройщик ушел отсюда пять минут назад.

Я поднялась на третий этаж лишь к полудню, когда солнце светило особенно ярко сквозь окна лестничных пролетов. Там тянулся мрачный ряд спален для прислуги, занавешенных белыми чехлами. В самом конце коридора я уперлась в одну-единственную запертую дверь. Тяжелая, из черного дерева, без замочной скважины — только массивная латунная ручка.

Стоило мне сделать к ней шаг, как по коже снова пробежал тот самый леденящий холод. Кожа на затылке заколола. Мой инстинкт, еще не до конца осознанный, буквально закричал: «Назад!».

Я отступила. Что-то подсказывало мне, что время этой двери еще не пришло.

Спускаясь обратно, я задержалась у окна лестничной площадки, разглядывая одичавший сад позади дома. И в этот момент солнце, до того щедро заливавшее коридор теплом, вдруг на мгновение потускнело. Свет стал багрово-серым, будто набежало грозное облако. Я резко вскинула голову, посмотрела сквозь стекло вверх — небо оставалось абсолютно, безупречно чистым, без единого облачка.

Весь остаток дня меня не покидало липкое ощущение: этот дом, впусивший меня с такой пугающей лёгкостью, теперь исподволь, шаг за шагом, показывает мне ровно столько, сколько сам считает нужным. И за его стенами кто-то пристально следит за каждым моим вздохом.

Глава 3

Утро пришло слишком быстро. Солнце лилось в окно спальни таким беспощадно весёлым, ярким потоком, будто ночи со скрипящими ступенями и леденящими вздохами старого дерева попросту никогда не существовало. Дом притворялся самым обычным старым особняком.

Я поняла, что сойду с ума в этих стенах, если не увижу людей. Мне нужны были живые, обычные, говорящие люди. И город с готовностью подарил мне их.

Кафе на площади называлось «Ворон и клевер». Внутри потрясающе пахло свежей выпечкой, горьковатой корицей и хорошим, дорогим кофе. Хозяйка — невысокая женщина лет пятидесяти с невероятно добрыми, теплыми морщинками у глаз по имени Мэйбл — всплеснула руками, стоило мне только робко назвать свое имя.

— Так ты внучка Элеанор! — воскликнула она, и её голос дрогнул от какого-то странного коктейля из радости и затаенного испуга. — Боже мой, детка, да ты на неё похожа, вот прямо в глазах этот огонек! Заходи, что ж ты на пороге стоишь.

Она усадила меня за лучший столик у окна, принесла огромную чашку капучино с идеальной молочной пенкой и кусок домашнего яблочного пирога. Я впервые за эти дни почувствовала, как мои напряженные плечи расслабляются.

— Вы знали мою бабушку? — спросила я, грея вечно холодные ладони о теплую чашку.

Что-то неуловимо изменилось в лице Мэйбл. На мгновение её взгляд метнулся куда-то в сторону площади, мимолетная серая тень пробежала по губам, но она тут же натянула привычную, слишком приторную улыбку.

— Немного, — сказала она чересчур быстро, увиливая от ответа. — Она держалась особняком. Но добрая была женщина. А ты... ты надолго к нам?

— Пока не знаю. Нужно решить, что делать с домом на Улице Ворона.

— Ну так решай не спеша, — Мэйбл накрыла мою ладонь своей теплой, сухой рукой. — Дом никуда не убежит — стоял сто лет, постоит ещё. У нас тут, знаешь ли, все свои. Мы поможем.

Я улыбнулась, хотя внутри снова что-то болезненно сжалось. Эта фраза про «всех своих» начинала звучать все менее уютно. Слишком сладко. Слишком настойчиво.

Я не успела сделать очередной глоток кофе — над входной дверью резко, оглушительно звякнул медный колокольчик. Я обернулась вместе с половиной посетителей кафе, привлеченная внезапной, мертвой тишиной, которая мгновенно рухнула на помещение. Секунду назад люди смеялись и звенели ложками, а теперь — замолчали все до единого.

Он не просто вошел — он возник в дверном проёме, словно соткался из самого воздуха и уличных теней.

Высокий, в тяжелом тёмном пальто, которое выглядело абсолютно безумным и неуместным в этой июльской душной жаре. Волосы цвета вороного крыла были слегка растрепаны, падая на лоб. Но его лицо... Лицо было настолько правильным, симметричным и точеным, что на секунду мне показалось, будто я смотрю на старинную мраморную статую, ожившую по чьей-то злой воле. Кожа была неестественно, пугающе бледной — полупрозрачной, словно он никогда в жизни не видел солнечного света. Острые скулы, жесткая линия губ. От него веяло тонким, едва уловимым запахом приближающейся грозы, озона и старой, дорогой бумаги.

Он не смотрел ни на кого в кафе. Четверть секунды — и его глаза сфокусировались. Прямо на мне.

Это были не просто темные глаза. В них полностью отсутствовало дно — два колодца абсолютной, всепоглощающей тьмы. В ту же секунду по моей спине сверху вниз ударил такой сильный, пронизывающий холод, что я физически задохнулась, а пальцы судорожно вцепились

в теплую чашку кофе, ища в ней защиту. Окружающий мир перестал существовать. Был только этот ледяной, гипнотический взгляд, который, казалось, прошивал меня насквозь, выворачивая душу. Мое сердце сделало дикий удар и замерло где-то в горле. Время остановилось.

Он смотрел на меня так, словно знал обо мне всё — каждый мой секрет, каждый страх, каждую каплю крови в моих венах. Это был взгляд хищника, нашедшего свою самую ценную, долгожданную добычу.

Он ушёл так же внезапно, как появился. Просто резко развернулся и шагнул обратно на улицу, растворившись в солнечном свете площади, не сказав ни единого слова.

Воздух в кафе будто снова стал пригодным для дыхания. Мэйбл за моей спиной издала тяжелый, судорожный звук — тихий, придушенный вздох огромного облегчения. Её руки, забиравшие мою тарелку, заметно дрожали. Пирог я доела едва наполовину.

— Кто это был? — спросила я, чувствуя, как мелко дрожат мои собственные колени под столом, а кожа на предплечьях горит от мурашек.

— Никто, детка, — ответила Мэйбл слишком быстро, слишком бодро, преувеличенно громко гремя посудой. Она упорно избегала моего взгляда, суетливо вытирая идеально чистый стол. — Просто местный. Держится особняком, как и твоя покойная бабушка. Не обращай внимания. У него... дурная слава. Его зовут Кейн. Но лучше забудь это имя, Нора. Держись от него как можно дальше, если тебе дорога жизнь.

Она ушла на кухню, а я осталась сидеть, глядя на залитую солнцем площадь сквозь стекло. Его имя вибрировало у меня в голове, как натянутая струна. *Кейн.*

Весь остаток дня город улыбался мне так же приторно и тепло, как утром. Но я больше не могла отделаться от липкого, царапающего страха: за этой солнечной, приветливой поверхностью идеальный Рэйвенсхолм прячет чудовищную правду. И Кейн — её центр.

Глава 4

Рэйвенсхолмский колледж оказался маленьким, но на удивление живым и пугающе атмосферным местом. Три массивных старинных корпуса из темно-красного кирпича были буквально задушены вездесущим плющом — казалось, в этом городе зелень росла вообще на всём, что стояло неподвижно дольше пары дней. За главным зданием раскинулось идеально подстриженное футбольное поле, а справа высилась библиотека с огромными стрельчатыми окнами в готическом стиле. Я влюбилась в них ещё до того, как переступила порог, хотя от их темных стекол веяло странным уединением.

Я подала документы на перевод спонтанно, на следующий же день после той лихорадочной встречи с Кейном в кафе. Отчасти потому, что учиться где-то было нужно в любом случае, но если быть до конца честной с этой страницей дневника — мысль остаться в пустом особняке один на один с гудящим в гробовой тишине холодильником, пылью над дверью и собственными мыслями пугала меня куда больше, чем необходимость снова сесть за парту в незнакомом месте. Мне отчаянно нужен был шум нормальной жизни.

Меня зачислили за два дня. Секретарь в приемной комиссии, благодушно улыбаясь, подмигнула мне: «У нас тут маленький конкурс, детка, не переживай. Мы всегда рады новой крови». От этой фразы у меня потеплели ладони, но внутренний голос испуганно затих. И вот, в понедельник утром я уже стояла посреди главного коридора первого корпуса, растерянно сжимая в руках лист с расписанием. Я чувствовала себя абсолютно потерянной.

— Ты явно новенькая, — раздался за моей спиной голос, тёплый, громкий и до неприличия уверенный. — У новеньких в нашем колледже всегда такое выражение лица, будто расписание лекций написано на древнегреческом, а за углом их ждет минотавр.

Я резко обернулась. Передо мной стояла девушка примерно моего возраста. Целая копна огненно-рыжих кудрей была собрана в неряшливый, но стильный узел на макушке, а на её лице сияла настолько широкая и заразительная улыбка, что я невольно улыбнулась в ответ, хотя пять секунд назад была уверена, что радоваться сегодня больше не способна.

— Хейли, — представилась она, бесцеремонно протягивая мне руку, перепачканную в следах от черного маркера. — Второй курс, специальность «как профессионально избегать написания курсовой до самой последней ночи». А ты у нас кто?

— Нора, — ответила я, пожимая её теплую ладонь. — Литература. Кажется.

— Кажется? — Хейли заливисто расхохоталась, отчего её рыжие кудри забавно качнулись. — Мне уже определенно нравится твой подход к жизни, Нора! Пойдём, я покажу тебе, где тут что находится, пока ты не начала плакать прямо посреди этого унылого коридора — поверь, я видела такие лица, это зрелище не для слабонервных.

Так началась моя первая настоящая дружба в Рэйвенсхолме — стремительная, лёгкая, яркая, ничем не обусловленная, кроме случайного совпадения наших маршрутов и общего чувства юмора. За обедом в шумном студенческом кафетерии, где пахло пищей и дешевым пластиком, Хейли без умолку болтала и параллельно познакомила меня ещё с двумя людьми из своей компании. Оливией — тихой, бледной девушкой с художественного факультета, которая вечно носила за ухом карандаш и была слегка испачкана синей краской, и Джейсом.

Джейс был высоким, широкоплечим парнем с мягкой, обезоруживающей улыбкой. От него веяло тем сортом природного мужского обаяния, которое не требует абсолютно никаких усилий, потому что органично приросло к человеку с самого рождения. Стоило ему посмотреть на меня своими теплыми янтарными глазами, как внутри меня впервые за долгое время разлилось приятное, безопасное тепло.

— Так ты, значит, та самая загадочная девушка, которая поселилась в особняке на Вороньей улице? — спросил Джейс, когда разговор за столом случайно свернул на тему моего внезапного наследства. Он чуть наклонился вперед, с любопытством разглядывая меня.

Я мгновенно напряглась — эта защитная привычка выработалась у меня буквально за неделю жизни в этом странном городе. В памяти сразу всплыли ледяной взгляд Кейна и связки сухой травы.

— В том самом, — тихо ответила я, опустив глаза в тарелку.

Джейс негромко присвистнул, но в его взгляде не было испуга, скорее здоровый мальчишеский интерес, каким обычно парни реагируют на городские страшилки.

— Мой старший брат клялся, что видел там странный свет по ночам года три назад, — с улыбкой сказал он, крутя в руках банку с газировкой. — Хотя мой отец говорит, что дом просто электрифицировали давным-давно, а когда хозяйка умерла, никто из муниципалитета так и не удосужился отключить проводку. Скукота, если честно. Обычная бюрократия, обернутая в мистику.

— Да, скукота, — эхом повторила я, заставив себя выдать легкий смешок.

Но в этот момент я думала о свежем запахе полыни над дверью, о работающем без перебоев холодильнике в пустом столетнем доме и о мужчине в тёмном пальто. И, конечно же, я ничего не сказала своим новым друзьям.

Глава 5

Остаток дня прошёл в приятной суете обычной, нормальной студенческой жизни, по которой я так скучала. Сначала была лекция по английской литературе, где пожилой преподаватель, кажется, искренне обрадовался новому лицу в полупустой аудитории, затем — небольшая экскурсия по библиотеке, которую устроила мне Оливия. Она показала мне самый уютный и тихий угол на третьем этаже, скрытый за массивными шкафами с древними энциклопедиями, «куда абсолютно никто не заглядывает после обеда». Впервые за несколько дней я поймала себя на мысли, что не думала об особняке вообще — ни разу, ни единой секунды. Когда вечером я набрала номер отца, чтобы сказать дежурное «я в порядке, меня перевели в колледж», мой голос впервые звучал искренне и легко, без натянутых нот.

— Может быть, всё действительно не так плохо, как я боялся, — тихо, почти неслышно выдохнул отец на том конце провода. В этой короткой фразе прозвучало столько тяжелого, невысказанного страха, что я едва удержалась от вопроса, который жег мне язык с самого первого дня: «Чего именно ты боялся, папа? И от кого ты убежал?». Но я смолчала. Не в тот вечер.

В субботу утром Оливия пригласила меня в свою персональную мастерскую. Это была тесная, заваленная холстами, подрамниками и пустыми тюбиками от красок комната на самом верхнем этаже художественного корпуса, под самой крышей. Через огромное панорамное окно сюда лился яркий свет.

— Я пускаю сюда только тех, кому действительно доверяю, — тихо сказала Оливия, убирая со старого диванчика стопку эскизов. — А таких людей за весь прошлый год набралось человека три, включая Хейли и Джейса.

Я почувствовала это доверие как бесценный подарок и устроилась на продавленном велветовом диване в углу, пока Оливия разбирала свои последние работы. В основном это были пейзажи Рэйвенсхолма. Но все они были написаны в неожиданно мрачной, густой и тревожной палитре, которая разительно, пугающе контрастировала с настоящим, солнечным и открытым обликом города.

— Почему такие тёмные, тяжелые тона? — спросила я, подходя ближе к одному из холстов, на котором наша городская площадь с фонтаном была изображена в густых, багрово-черных сумерках, напоминающих запекшуюся кровь. — Город же совсем не такой. Он ведь буквально залит солнцем круглые сутки.

Оливия на секунду замерла, продолжая машинально перебирать жесткие кисти в банке. Она не смотрела на меня.

— Не знаю, Нора, — просто ответила она, и в её тихом голосе проскользнули леденящие нотки. — Наверное, я рисую не то, что вижу глазами, а то, что чувствую кожей. А кожей я чувствую в этом месте что-то... тяжелое, давящее. Будто под всей этой идеальной, глянцево-красотой и улыбками прохожих прячется мрачная, голодная бездна, о которой все знают, но до смерти бояться говорить вслух. Знаешь, моя бабушка выросла здесь. И она всегда говорила мне в детстве, что Рэйвенсхолм похож на красивую женщину, которая слишком долго и натянуто улыбается, чтобы скрыть, что её сердце уже давно мертво.

Её слова повисли в воздухе мастерской вместе с густым запахом масляных красок, лака и растворителя. Я застыла, чувствуя, как внутри меня оживает тот самый холод, который встретил меня на Улице Ворона. Оливия, тихая, молчаливая Оливия, видела этот город намного глубже, чем беспечная Хейли.

Я подошла к самому дальнему холсту, который стоял на мольберте, прикрытый серой тканью. Край холста приоткрылся от сквозняка. Я заглянула туда и почувствовала, как мое сердце пропустило удар.

На картине, на самом краю освещенной фонарями площади, там, где заканчивался безопасный свет и начиналась глухая темнота леса, стоял смутный, высокий темный силуэт мужчины в длинном пальто. Лица не было видно, но его фигура, его осанка, его пугающая, статичная мощь были узнаваемы мгновенно. Это был он.

— Кто это? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не сорвался на дрожь. Я указала пальцем на холст.

Оливия подошла ближе и посмотрела на картину с легким, искренним недоумением, будто её собственная рука вывела этот силуэт в транс, без её ведома.

— Не знаю, — тихо ответила подруга, и по её плечам пробежала заметная дрожь. — Местные зовут его Кейн. Он появляется в городе очень редко, словно ожившая тень. О нем никто ничего не знает, Нора. Но моя бабушка шепотом рассказывала, что его семья жила в этих землях еще до того, как Рэйвенсхолм вообще появился на картах. Держись от него как можно дальше. О нем ходит дурная, зловещая слава. Говорят, рядом с ним люди просто... исчезают.

Кейн. Я мысленно повторила это имя, чувствуя, как оно отзывается во мне странным, лихорадочным и опасным теплом, смешанным с первобытным страхом. Часть меня, которая вела дневник, уже знала: это не просто совпадение. Этот город затягивал меня в свои сети.

Глава 6

В понедельник Профессор Уиллоуби, которая вела у нас курс английской литературы, устроила нам настоящий сюрприз. Она была миниатюрной женщиной с аккуратными седыми буклями, но её страсть к классическим готическим романам граничила с настоящей одержимостью. Когда очередь дошла до «Дракулы» Брэма Стокера, её глаза за стеклами круглых очков загорелись фанатичным блеском.

— Вампир в классической литературе XIX века, — говорила профессор, экспрессивно расхаживая между рядами парт, — это никогда не было просто историей о чудовище с клыками. Это всегда, абсолютно всегда — метафора запретного, рокового желания. Существо, которое одновременно пугает до смерти и притягивает с невероятной, гипнотической силой именно потому, что оно предлагает смертному человеку заглянуть за грань дозволенного. Мы боимся вампира не потому, что он хочет выпить нашу кровь. Мы боимся его потому, что где-то в самой темной глубже своей души мы узнаем в его голодном желании часть самих себя. Мы хотим подчиниться этой опасности.

Я сидела, вцепившись пальцами в край деревянной парты так сильно, что мои ногти побелели. Каждое её слово падало мне в душу, словно тяжелый камень. Я вспомнила глаза Кейна — те самые бездонные колодцы тьмы, которые смотрели на меня в кафе. Профессор была права. Я боялась его. Но еще сильнее... меня тянуло к нему, вопреки всякому здравому смыслу.

— Итак, проект! — объявила Уиллоуби, хлопнув в ладоши, отчего я вздрогнула. — Вы будете работать в парах. Совместный анализ готического текста учит смотреть на литературу чужими глазами. Пары я распределила сама. Нора Эштон и Джейс Миллер. Ваша книга — «Франкенштейн» Мэри Шелли.

Я обернулась и встретила взглядом с Джейсом. Он сидел через два ряда от меня и, услышав наши имена, широко, тепло улыбнулся, шутливо отдав мне честь рукой. Внутри меня снова поднялась волна облегчения. Джейс был безопасным. Он был солнцем этого города, в то время как Кейн был его вечной, леденящей ночью.

Вечером мы встретились в библиотеке. Джейс с грохотом опустил на стол тяжелый том Шелли и с улыбкой устроился на соседнем стуле, придвинувшись ко мне чуть ближе, чем требовали приличия. От него приятно пахло мятной жвачкой, стиральным порошком и нормальным, человеческим теплом.

— Ну что, напарница, — подмигнул он, — готова провести со мной кучу часов, обсуждая чудовищ, их создателей и то, почему не стоит оживлять мертвецов по ночам?

— Как будто у меня есть выбор, — рассмеялась я, и в моем смехе было куда больше искреннего облегчения, чем я готова была ему показать. Обсуждать вымышленных монстров с Джейсом было идеальным способом отвлечься от монстров реальных.

Мы проговорили над книгой больше двух часов, постоянно съезжая с темы на истории из его детства. Оказалось, его семья жила в Рэвенсхолме уже в четвертом поколении.

— Знаешь, моя бабушка вечно рассказывала мне на ночь байки про твой особняк на холме, — сказал Джейс, лениво листая страницы. Его пальцы случайно коснулись моей руки, когда мы оба потянулись за маркером. Его ладонь была горячей, живой. — Какая-то старая история про запретную любовь, про хозяина дома, который то ли умер, то ли стал чем-то другим... Короче, обычная городская легенда. У каждого захолустья есть такая, чтобы развлекать туристов.

— А ты сам? Ты веришь в это? — спросила я, затаив дыхание и глядя на его профиль.

Джейс пожал плечами с той беспечной легкостью, которая была свойственна ему во всем.

— Я думаю, людям просто нравится верить в тайны, Нора. Особенно в таком тихом месте, как наше. Легенды делают жизнь чуточку интереснее. Но если честно... — он вдруг повер-

нулся ко мне, его взгляд стал серьезным и очень нежным. Он накрыл мою холодную руку своей горячей ладонью. — У тебя всегда такие ледяные пальцы, Нора? Ты как будто сама немного из этого особняка призраков. Мне почему-то хочется защитить тебя от всего этого.

Мои щеки мгновенно вспыхнули румянцем. Это было простое, понятное человеческое смущение. Жизнь с Джейсом могла бы быть такой простой, солнечной и безопасной. Но когда он провожал меня вечером до калитки и неловко улыбался на прощание, я поймала себя на ужасной мысли: мое сердце, замирая, всё равно искало глазами темную кромку леса. Я искала Кейна.

Глава 7

— Ты просто обязана пойти, Нора! Я не принимаю никаких отказов! — заявила Хейли своим фирменным тоном, не терпящим возражений. Она буквально впихнула мне в руки свой телефон, где светилось яркое приглашение на ежегодную вписку первокурсников. — Это священная традиция нашего колледжа, между прочим. Если пропустишь — будешь потом всю жизнь жалеть, гарантирую тебе.

Вечеринка проходила в огромном двухэтажном доме одного из старшекурсников на самой окраине университетского кампуса, у самой границы с лесной полосой. Дом был полон людей, громкой музыки и того веселого, бесшабашного хаоса, который царит на всех студенческих тусовках мира. Из окон во двор лился разноцветный свет неоновых гирлянд, а басы от колонок заставляли вибрировать стекла.

Я почти отказалась в самый последний момент. Мысль о том, чтобы веселиться в городе, где меня преследует загадочный бледный мужчина, казалась абсурдной. Но Оливия так искренне пообещала весь вечер держаться рядом со мной, а мысль провести еще одну ночь в одиночестве посреди столетнего особняка с полынью над дверью казалась настолько невыносимой, что я сдалась. И не пожалела.

Впервые за долгое время я почувствовала себя нормальной девятнадцатилетней девушкой. Я смеялась, пила какой-то приторно-сладкий фруктовый пунш, который мне всучила Хейли, и танцевала в гостиной, где всю мебель отодвинули к стенам.

— Посмотри на себя! — прокричала мне на ухо Хейли сквозь грохот музыки, весело пританцовывая рядом. — Ты улыбаешься! Обязательно запиши сегодня в свой знаменитый дневник: «День, когда я наконец-то перестала быть мрачной готической невестой из дома с привидениями».

Я искренне рассмеялась. Джейс нашел меня где-то в середине вечера. Он подошел к дверному косяку, держа в руках две бутылки холодной газировки, и на его лице играла всё та же безобидная, теплая улыбка.

— Ну как тебе первая настоящая вечеринка в Рэйвенсхолме? — спросил он, протягивая мне бутылку. На секунду его пальцы переплелись с моими, и он не спешил их убирать.

— Шумно. Но в самом хорошем смысле, — ответила я, чувствуя, как музыка вибрирует у меня в груди.

— Рад это слышать, — Джейс чуть склонил голову, разглядывая меня с откровенным, но очень мягким восхищением в глазах. — Знаешь, Нора... ты совсем не похожа на девушку, которая живет в проклятом доме. Ты создана для света. Для этого шума, для улыбок.

— Может быть, призраки просто хорошо меня замаскировали, — пошутила я, но мое сердце пропустило удар от его слов.

Весь следующий час мы проговорили обо всем на свете — о его планах уехать в большой город после колледжа, о моей прошлой жизни в другом штате. Это было легко. Абсолютно, до головокружения нормально. И именно поэтому я потеряла бдительность.

Ближе к полуночи в доме стало слишком душно и жарко от толпы. Я решила выйти на просторную деревянную веранду заднего двора, чтобы сделать глоток свежего воздуха. Я подошла к перилам, тяжело дыша, и устремила взгляд на темную, глухую полосу леса, которая начиналась сразу за границей освещенного гирляндами газона.

И там, на самой границе света и тени, кто-то стоял.

Мое дыхание мгновенно перехватило. Я не видела его лица, но этот силуэт — высокий, статичный, в длинном темном пальто — я бы узнала теперь из тысячи. Кейн стоял неподвижно, скрестив руки на груди, там, куда не дотягивались разноцветные огни студенческой вечеринки. Он был частью самой ночи. И хотя между нами было добрых пятьдесят метров, я физически,

кожей на затылке почувствовала тяжелый, голодный и невыносимо острый взгляд его невидимых глаз. Он смотрел прямо на меня.

Внутри меня вспыхнул дикий, первобытный ужас, но вместе с ним — лихорадочный, сумасшедший импульс. Шаг. Еще один. Меня буквально потащило вперед, по ступенькам веранды вниз, прямо к нему, словно я была загипнотизирована. Я хотела подойти ближе. Хотела сойти с ума в этой темноте.

— Нора! Эй, Нора, ты чего там застряла? — звонкий, веселый голос Джейса за спиной выдернул меня из транса, словно пощечина.

Я резко обернулась на его голос, моргнула, а когда через секунду снова посмотрела на кромку леса — там уже никого не было. Кейн исчез, растворился в темноте так же беззвучно, как и появился. Будто его там никогда не было.

— Боже, Нора, всё в порядке? — Джейс мгновенно оказался рядом со мной на траве, его лицо было испуганным. Он осторожно взял меня за плечи. — Ты вся бледная, как смерть. И ты дрожишь. Что случилось?

— Всё хорошо, Джейс, — соврала я, пытаюсь придать голосу легкость, которой не чувствовала. Мое сердце колотилось в ребра так сильно, что было больно дышать. — Просто... внутри было слишком душно. Мне показалось, что в лесу пробежал какой-то зверь. Обычная лиса, наверное.

Джейс с подозрением посмотрел в сторону темных деревьев, сильнее сжав мои плечи, но не стал допытываться — еще одно очко в пользу его чуткости. Весь оставшийся вечер он не отходил от меня ни на шаг, держа за руку, но я больше не слышала музыки. Мои глаза то и дело возвращались к темноте леса. Я знала с абсолютной уверенностью: Кейн не ушел. Он просто ждал своего часа.

Глава 8

Дни после той безумной вечеринки потекли с обманчивой, вязкой размеренностью. Лекции, обеды в шумном кафетерии, вечерние часы за учебниками в библиотеке. Я почти заставила себя поверить, что силуэт Кейна на краю двора мне просто померещился, порожденный моей бессонницей и разыгравшимся воображением. Почти.

В четверг вечером Хейли устроила у себя дома тихий игровой вечер. «Никакого алкоголя и толпы, только настольные игры, тонна чипсов и мой персональный плейлист из хитов девяностых», — объявила она, вручая нам с Оливией забавные самодельные открытки. Джейс пришел первым, притащив огромную упаковку газировки. Его теплая, мягкая улыбка уже стала для меня привычным, безопасным и очень приятным фоном моих новых студенческих будней. Рядом с ним я отдыхала от мистики, которая душила меня в особняке.

Мы до полуночи играли в какую-то сложную стратегию про завоевание вымышленных средневековых королевств. Мы громко спорили о честности бросков кубиков, перекидывались шутками и воровали друг у друга чипсы с тарелки. В какой-то момент, когда Хейли и Оливия ушли на кухню, чтобы принести еще газировки, Джейс отложил свои игровые карточки и наклонился ко мне чуть ближе. Настолько близко, что я чувствовала тепло его дыхания.

— Знаешь, Нора, — тихо сказал он, глядя мне прямо в глаза своими янтарными, честными глазами. — Я безумно рад, что ты приехала в наш город. То есть... я рад не просто тому, что ты разбавила нашу компанию. Я рад именно тебе. Ты удивительная. И мне бы очень хотелось, чтобы ты осталась здесь подольше.

Я почувствовала, как мои щеки заливает густой румянец. Это было простое, чистое и невероятно приятное человеческое смущение. Оно было настолько непохоже на то лихорадочное, удушающее и болезненное притяжение, которое вспыхивало во мне при одной только мысли о Кейне, что на мгновение признание Джейса показалось мне настоящим спасением. Словно глоток чистой воды посреди пустыни.

— Спасибо, Джейс. Это взаимно, — тихо ответила я, опуская глаза. Джейс, к его чести, не стал давить или требовать большего. Он просто мягко улыбнулся, слегка сжав мои пальцы под столом, и вернулся к игре. Между нами повисло что-то невысказанное, но определенно очень теплое.

Домой я возвращалась одна. Хейли и Джейс хором настаивали на том, чтобы подвезти меня, но до Улицы Ворона от её дома было всего пятнадцать минут ходьбы, а ночь выдалась удивительно ясной, звездной и теплой, совершенно не располагающей к страху. Мне хотелось пройтись пешком и разложить мысли по полочкам.

Но уже на середине пути, когда я свернула на свою темную, пустынную улицу, воздух вокруг меня резко, в одну секунду стал ледяным. Тот самый знакомый холод ударил мне в затылок, заставив волосы на теле встать дыбом.

Я не стала оборачиваться сразу. Я заставила себя идти тем же ровным, размеренным шагом, мысленно считая бешеные удары собственного сердца. ОДИН. ДВА. ТРИ... Сзади меня, на расстоянии примерно двадцати шагов, послышался отчетливый, тихий шорох гравия. Кто-то шел следом за мной. На кустах вдоль дороги затрепетали листья, хотя ветра не было. Шаги преследователя были неестественно легкими, почти невесомыми, но они идеально синхронизировались с моими. Я ускоряла шаг — и шорох сзади становился быстрее. Я замедлялась — и тень позади меня замирала.

У самой калитки своего особняка я наконец не выдержала. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я резко развернулась лицом к дороге, выставив вперед руки.

Улица была абсолютно пуста. Идеально, мертвенно пуста. Желтый свет единственного фонаря тускло освещал асфальт. Ни силуэта, ни тени, ни единого звука среди деревьев.

И всё же, быстро вбегая в дом, захлопывая тяжелую дубовую дверь и судорожно задвигая массивный железный засов, я знала с абсолютной, пугающей уверенностью: он был там. Он шел за мной от самого дома Хейли. Весь мой путь. Кейн держался на расстоянии, достаточном, чтобы оставаться невидимым для глаз, но достаточно близко, чтобы я физически ощущала тяжесть и голод его взгляда сквозь ночную темноту. Это было похоже на прикосновение ледяных пальцев к моей шее.

Я поднялась в свою спальню, но так и не смогла уснуть. Еще добрых полчаса я стояла у окна, всматриваясь в темноту за стеклом, и часть меня, которая только что вернулась после теплого вечера с друзьями и нежного признания Джейса... эта часть меня всё равно отчаянно искала в темноте силуэт Кейна. И самое страшное — я не была напугана. Я была заморожена этим преследованием.

Глава 9

Я не могла нормально спать уже третью ночь подряд. И дело было вовсе не в странных звуках, которыми исходил старый особняк по ночам. Дело было исключительно в нём.

Записывая это в свой дневник дрожащей рукой, я сгорала от стыда перед самой собой, но пообещала никогда не врать этим страницам: я просто не могла перестать думать о Кейне. О мужчине из кафе. О силуэте на краю леса. О том, как его бездонные темные глаза смотрели на меня — не с банальным любопытством, с каким смотрят на красивую новенькую девушку, а с чем-то гораздо более острым, диким и голодным. От этих мыслей всё внутри меня сжималось в тугий узел, в котором смертельный страх и порочное, постыдное притяжение сплетались настолько тесно, что я уже не могла разделить одно от другого. Я медленно сходила со ума.

Я лежала в темноте спальни, натянув одеяло до самого подбородка, и слушала, как дом тяжело дышит вокруг меня. Время близилось к двум часам ночи. И вдруг я почувствовала, как запах полыни в комнате изменился. Ромашка и лаванда, которыми пахло мое белье, исчезли. Воздух стал резко горьким, концентрированным. Запах свежесрезанной полыни стал настолько сильным, словно её притащили целыми охапками прямо к моей кровати.

В ту же секунду из холла на первом этаже донесся звук. Мое сердце сделало дикий кульбит и застряло в горле.

Это был не случайный скрип проседающего дерева. Это были шаги. Медленные, тяжелые, размеренные шаги человека. Они раздавались в полной тишине дома и... они спускались откуда-то сверху. С третьего этажа. Из того самого глухого коридора, где находилась запертая черная дверь, к которой я побоялась подойти при свете дня.

Я не закричала. От ужаса у меня полностью пропал голос. Я лишь сильнее вжалась спиной в деревянное изголовье кровати, до боли в пальцах вцепившись в куртку, и уставилась на тонкую полоску темноты под дверью моей спальни. В моей голове билась одна идиотская, детская мысль: «Если я буду сидеть тихо и не издам ни звука, он просто пройдет мимо. Он меня не заметит».

Шаги приблизились по коридору второго этажа. Шаг. Еще один. И... остановились. Прямо перед дверью моей комнаты.

Секунды растянулись в бесконечную, вязкую вечность. Мне казалось, что я физически слышу чужое дыхание с той стороны тонкой деревянной двери. Оно было пугающе ровным. Слишком ровным, медленным и холодным для человека, который только что спустился по крутой лестнице. От двери повеяло могильным холодом, полоска света из коридора под дверью внезапно потемнела, перекрытая чьей-то широкой тенью. Я зажмурилась, ожидая, что латунная ручка вот-вот начнет медленно опускаться вниз. Засов на входной двери внизу был бесполезен. Тот, кто ходил по дому, уже был внутри. Он изначально был здесь.

Прошло около двух минут, которые показались мне веком. Ручка двери так и не шелохнулась. Затем шаги так же спокойно, размеренно и тихо удалились вглубь коридора, направляясь к черной лестнице, и вскоре всё затихло. Я осталась сидеть на кровати, тяжело дыша, вся мокрая от холодного пота. До самого рассвета я так и не сомкнула глаз, вздрагивая от каждого шороха.

Утром, когда первые лучи солнца наконец пробились сквозь плотный плющ на окнах, вернув мне остатки смелости, я заставила себя подняться и открыть дверь коридора. На полу, прямо передо мной, на безупречно чистом темном паркете лежал небольшой листок бумаги.

Это была плотная, дорогая кремовая бумага с неровными краями. Чернила на ней слегка выцвели, но текст был написан очень четким, размашистым, острым и явно старомодным почерком. Я подняла листок дрожащими пальцами и прочитала:

«Не открывай окна на закате. Никогда не отвечай, если кто-то постучит в твою дверь после полуночи. И держись как можно дальше от восточного крыла третьего этажа. Здесь тебе не место, Нора. Но раз уж ты совершила глупость и приехала сюда — хотя бы попытайся остаться в живых».

Никакой подписи внизу не было.

Я перечитала эти строки трижды, чувствуя, как по моему телу разливается странное оцепенение. Но к своему ужасу я поняла: это было не чувство страха. Это было извращенное, безумное и лихорадочное волнение. Кто-то в этом проклятом особняке — или совсем рядом с ним — пристально наблюдал за мной. Защищал меня. Давал инструкции.

Тот же самый человек, что оставил свежую полынь у калитки. Тот же самый, чей силуэт преследовал меня у леса на студенческой вечеринке и шел за мной по пятам в темноте улиц. Кейн. Его глаза преследовали меня во снах, и теперь его рука написала это предупреждение.

Я бережно сложила листок и сунула его в глубокий карман своих джинсов. В этот момент я поняла с абсолютной, пугающей ясностью: что бы ни скрывал этот странный, солнечный Рэйвенсхолм, какая бы опасность ни таилась за запертой дверью третьего этажа... я не уеду отсюда. Я собиралась остаться здесь и узнать всю правду до самого конца. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 10

Городская ратуша Рэйвенсхолма оказалась именно такой, какой её неизменно изображали на глянцевых туристических открытках, — белоснежное двухэтажное здание в колониальном стиле с изящной башенкой и старинными часами. Их мелодичный, глубокий бой разносился над притихшей площадью каждый час, заставляя вздрагивать сающихся на карнизы воронов. Клерк в архивном отделе, полная женщина с удивительно добрыми глазами и невероятным, почти святым терпением к моим бесконечным путаным вопросам, охотно согласилась достать для меня документы по Улице Ворона, стоило мне только тихим голосом упомянуть фамилию Эштон.

— Особняк на холме, — произнесла она, водрузив на нос массивные очки и медленно листая толстую, пахнущую подвалом папку с пожелтевшими от времени страницами, — был построен в тысяча восемьсот тридцать восьмом году неким Александром Рэйвеном. Если верить этим муниципальным бумагам о собственности, с тех самых пор дом ни разу, понимаешь, Нора, ни единого раза не менял своего владельца официально. По крайней мере, по бумагам. Всё это время он значился на имя одной и той же семьи. Хотя, признаться честно, у нас в архиве чертовски много путаницы с тем периодом. То ли Рэйвены передавали особняк внутри рода из рук в руки без уплаты пошлин, то ли просто не удосуживались обновлять налоговые записи целыми десятилетиями. Такое чувство, что для них времени просто не существовало.

— А как же моя бабушка? — я подалась вперед, едва не задев чашку с остывшим чаем на её столе. — Как этот огромный дом в итоге перешёл к ней? Это ведь зафиксировано?

Клерк озадаченно порылась в других связках бумаг, скрепленных ржавыми канцелярскими скрепками, и наконец аккуратно извлекла на свет потемневший документ, датированный несколькими десятилетиями назад. Это была официальная дарственная, согласно тексту которой некий А. Рэйвен передавал особняк в полное, безоговорочное владение Элеанор Эштон, в девичестве Фостер.

— Хм, на редкость странная, даже пугающая формулировка для юридической дарственной, — заметила женщина, пристально разглядывая витиеватый почерк поверх своих очков. — Обычно недвижимость так не передают посторонним людям. Никаких условий, никаких залогов. Разве что... между очень, очень близкими людьми, связанными какой-то общей, безумной тайной. Или роковой любовью.

Я промолчала, натянуто улыбнувшись. Я не стала объяснять ей, насколько точным и пронзительным было это её случайное наблюдение.

Возвращаясь домой тем душным вечером, я судорожно прижимала к груди свою сумку. Внутри лежала ксерокопия этой дарственной, полученная мной с немалым трудом и под клятвенное обещание вернуть оригинал в целости и сохранности завтра утром. Я шла по пустующим улицам и чувствовала, как в моей груди крепнет странное, почти благоговейное и лихорадочное ощущение прикосновения к настоящей, задокументированной истории. Это была история, растянувшаяся на долгие десятилетия, зафиксированная сухим, мертвым канцелярским языком муниципальных бумаг, но от этого ставшая еще более острой.

Александр Рэйвен подарил моей бабушке этот дом. Не продал за долги, не завещал после своей официальной кончины. Он просто отдал его ей при жизни, добровольно, будто знал наперед: сам он останется в этих стенах навечно, привязанный к своей проклятой природе, а дом однажды должен будет перейти к кому-то её крови. К кому-то, кто сможет прожить в нём обычную, теплую смертную жизнь. К такой, как я.

Я поймала себя на мысли, что внутри меня постепенно умирает страх перед тем, что я узнаю дальше. Теперь я боялась только одного — что вся эта древняя правда окажется недо-

статочно большой, чтобы объяснить то головокружительное, необъяснимое и пугающее притяжение к Кейну, которое продолжало прорастать во мне с каждым новым днем в Рэйвенсхолме.

Глава 11

— Записку, говоришь, нашла... — Мэйбл переставляла тяжелые фарфоровые чашки за барной стойкой чуть медленнее, чем требовалось. Она явно тянула время, избегая смотреть мне в глаза.

Я застала её в кафе почти в полном одиночестве — это было раннее, туманное утро, тот самый час, когда редкие местные завсегдатаи ещё видят сны, а туристов в Рэйвенсхолме отродясь не водилось. За окном расплывались серые контуры площади.

— Это не похоже на чью-то глупую шутку, Мэйбл. Текст... он пугает. Но в то же время этот человек пытается уберечь меня от чего-то, что бродит по коридорам третьего этажа.

Она наконец подняла на меня свой взгляд, остановив тряпку на полированном дереве стойки. И впервые за всё наше недолгое знакомство я увидела в её лице что-то, кроме привычного, безграничного тепла. Это была усталость. Древняя, застарелая, свинцовая усталость человека, который слишком много долгих лет носил в себе чужую тайну, которой он не имеет права ни с кем поделиться. Её губы горько сжались.

— Твоя покойная бабушка Элеанор тоже задавала слишком много вопросов, когда только приехала в этот город девчонкой, — сказала Мэйбл наконец. Её голос звучал тихо, почти шепотом, будто эти слова давались ей с огромным физическим трудом. — А потом... потом она просто перестала их задавать. Совсем. И знаешь что, детка? Она была самой счастливой женщиной, какую я только знала в своей жизни, до самого её последнего вздоха.

— Счастливой из-за чего? Или из-за кого? Из-за Александра Рэйвена?

Мэйбл испуганно покачала головой, её пальцы судорожно сжали фарфоровое блюдце. Она тут же отвернулась спиной ко мне, вернувшись к своим чашкам.

— Есть вещи в Рэйвенсхолме, про которые ты должна узнать абсолютно сама, раз уж упрямо решила остаться в том особняке, Нора. Я не стану красть у тебя твою судьбу, рассказывая всё раньше времени. Это твой крест. Просто... — она на секунду замаялась, не оборачиваясь, — просто будь предельно осторожна, девочка. И свято слушайся того, что написано в этой записке. Кто бы её ни оставил на твоём полу, он явно желает тебе добра и жизни намного больше, чем сам, наверное, готов признать перед самим собой.

Я вышла из уютного кафе на прохладный утренний воздух с еще большим количеством жгучих вопросов, чем зашла туда. Но внутри меня укрепилось одно новое, монументальное ощущение: что бы ни происходило в моем доме на холме, вся эта мрачная история была намного старше меня. Она была старше даже моей бабушки. И весь этот город, весь этот идеально солнечный, приветливый и дружелюбный городок каким-то образом был в курсе. Город знал обо всем — и монолитно молчал.

В следующие дни я устроила проверку. Каждый раз, когда я вскользь упоминала в разговорах с местными фамилию бабушки — Эштон — или сам особняк на холме, беседа мгновенно меняла свое направление с такой потрясающей плавностью, которая была слишком отработанной, чтобы являться случайностью. Продавец в книжном магазине, стоило мне спросить про историю Улицы Ворона, внезапно вспоминал о срочной разгрузке товара и убегал в подсобку. Женщина на почте при упоминании Элеанор тут же начинала оживленно и громко обсуждать надвигающуюся перемену погоды. Даже словоохотливый заправщик, который так тепло встретил меня в первый день, мгновенно помрачнел, стоило мне спросить, как давно пустует дом номер двенадцать, и тут же перевел тему на состояние протектора моих шин.

Рэйвенсхолм умел виртуозно хранить свои секреты. Он делал это с той же слаженностью, с какой умел встречать новоприбывших гостей бесплатным лимонадом и открытками.

Тогда я решила попробовать другой, более хитрый подход — перестать спрашивать напрямую, а начать внимательно слушать. В следующие несколько вечеров я намеренно задер-

живалась допоздна на площади, устраиваясь на скамейке у фонтана с раскрытой книгой, которую я почти не читала. Я просто сидела и, как губка, впитывала случайные обрывки чужих разговоров, доносившихся до меня прохладным ветром.

Именно там, на исходе одного особенно теплого, багрового заката, я разговорилась со стариком, которого весь город ласково звал Дедом Финчем. Это был сухонький, согнутый временем мужчина с пышной копной абсолютно седых волос и массивной тростью с костяным набалдашником. Судя по его бодрой, быстрой походке, он носил её скорее для солидности, чем по реальной необходимости.

— А-а, так ты та самая внучка Элеанор, — проскрипел он, бесцеремонно усаживаясь на мою скамейку без приглашения, с той непосредственностью, что свойственна лишь очень пожилым людям в очень маленьких городах. Он подмигнул мне слезящимся глазом. — Помню, отлично помню твою бабушку. Невероятной красоты была женщина, Нора. И знаешь, она всегда ходила по этим улицам с такой странной, загадочной улыбкой на губах... Будто знала какую-то великую тайну мира, о которой все остальные даже не догадывались.

— Вы близко дружили с ней? — спросила я, осторожно закрывая книгу на коленях.

— Ну, дружили — это слишком громко сказано, детка. Но всегда вежливо здоровались, перекидывались парой слов о погоде или цветах. Она была из тех редких людей, кто держится со всеми подчеркнуто вежливо, но всегда... на расстоянии вытянутой руки. Никого не подпускала к своей душе. — Он надолго замолчал, задумчиво разглядывая струи воды в фонтане. — Странное это было дело, знаешь ли. Она приехала в наш Рэйвенсхолм совсем молодой девчонкой, лет двадцати пяти, кажется. А умерла здесь же глубокой, столетней старухой. И всё это долгое время её огромный особняк на холме выглядел абсолютно одинаково. Понимаешь? За все эти годы ни одна деревянная доска на его фасаде не покосилась, ни одна черепица с крыши не съехала от урагана. Мы в городе в свое время даже шутили, что этот дом заботится о себе сам гораздо лучше, чем живые люди о своих жилищах.

Дед Финч коротко, сухо рассмеялся собственной шутке, но по тому, как на секунду сузились его глаза, я поняла: его внутренний голос в эту шутку не верил. Он знал, что дом не просто «заботится о себе».

— А вы... вы никогда не задумывались, почему так происходило? — максимально тихо и аккуратно спросила я, затаив дыхание. — Кто ухаживал за домом все эти сто лет, пока её не было?

Дед Финч повернул ко мне голову и посмотрел на меня долгим, тяжелым и испытующим взглядом. Это был тот самый взгляд, которым награждали меня все жители Рэйвенсхолма, стоило разговору подобраться слишком близко к запретной черте. Затем он протянул свою сухую, покрытую пигментными пятнами руку и похлопал меня по ладони точно так же, как это делала Мэйбл в кафе.

— В моем почтенном возрасте, детка, задумываешься очень о многом, но напрочь перестаешь задавать эти вопросы вслух. Это полезная привычка, которая приходит только с годами и, поверь моему старому опыту, очень сильно продлевает человеку жизнь.

Он тяжело поднялся со скамейки, опираясь на свою трость уже без всякого напускного эффекта, а по-настоящему, навалившись на неё всем телом. Прежде чем уйти в сумерки площади, он обернулся ко мне еще раз. Его силуэт казался совсем крошечным на фоне ратуши.

— Ты чертовски на неё похожа, Нора. Не только своими чертами лица. В тебе горит точно такой же упрямый, дикий огонек в глазах. Элеанор тоже, я помню, всё выпрашивала и вынюхивала в первые месяцы своего приезда. А потом... потом в один день просто перестала. Будто нашла то, что искала. — Он грустно, едва заметно улыбнулся. — Береги себя, мисс Эштон. У нас в городе, конечно, все свои, но далеко не все местные тайны стоят того, чтобы их раскапывали из земли. Некоторые лучше оставить мертвыми.

Глава 12

— Тебе нужно срочно, слышишь меня, просто жизненно необходимо выбраться из этого чертова города хотя бы на один единственный день! — категорично заявила Хейли в среду после занятий. Она с размаху шлепнула передо мной на парту распечатанный на цветном принтере список магазинов и кинотеатров ближайшего крупного города, до которого было около сорока минут быстрой езды по шоссе. — Серьёзно, Нора, без обид, но ты в последнее время стала смотреть на каждую случайную тень в коридоре так, будто она вот-вот прыгнет и перегрызет тебе горло. Нам обоим нужен нормальный, примитивный девчачий шопинг, куча вредной еды и разговоры, которые не пахнут старыми книгами, корицей и полыньёю одновременно.

Я не стала с ней спорить. Отчасти потому, что сама прекрасно чувствовала, до какой опасной степени истончились мои нервы за последние безумные недели в особняке, а отчасти потому, что сама мысль провести целый день за пределами невидимой границы Рэйвенсхолма, вне зоны досягаемости леденящих взглядов из темноты леса, показалась мне физически облегчающей. Мне нужен был глоток нормальности.

Мы поехали втроём — Хейли, Оливия и я. Мы забрались в раздолбанную, но невероятно живописную жёлтую машину Хейли, включили старую магнитола на полную мощность и всю дорогу громко распевали поп-хиты. Половину слов я даже не знала, но подхватывала их с той же беззаботной, отчаянной готовностью, что и мои подруги. Это был мой бунт против мистики.

Город, который встретил нас в конце шоссе, оказался самым обычным, шумным, безликим американским мегаполисом. Огромный стеклянный торговый центр, многозальный кинотеатр, неоновые вывески сетевых ресторанов на каждом углу и сотни спешащих куда-то людей, которым не было до нас никакого дела. И именно эта безликость, эта абсолютная, серая нормальность подействовала на меня лучше любого успокоительного. Здесь не было тайн. Здесь был просто асфальт и бетон.

Мы провели там весь день. Мы перемерили, наверное, десятки дурацких нарядов в примерочных, которые ни одна из нас не собиралась покупать, хохоча во весь голос и делая глупые селфи. Мы наелись картошки фри и бургеров до легкой тошноты и посмотрели предсказуемую романтическую комедию в почти пустом прохладном зале кинотеатра, искренне смеясь над самыми банальными поворотами сюжета.

И это сработало. Впервые за долгое время я поймала себя на мысли, что не думала о Кейне вообще — ни разу, на протяжении шести или семи часов подряд. И это полное отсутствие мыслей о его бледном лице и глазах-колодцах оказалось настолько непривычным, что я почувствовала лёгкое, почти виноватое головокружение. Словно мой организм за эти недели напрочь отвык дышать без постоянного фонового напряжения и страха. Я словно вынырнула из глубокой воды на поверхность.

— Ну что, видела? — торжествующе сказала Хейли на обратном пути, уверенно крутя руль своей раздолбанной машины. На её коленях стоял стакан с недопитой газировкой, а лицо светилось искренней гордостью за свой план. — Иногда лучшее, проверенное веками лекарство от загадочных, мрачных мужчин и домашних призраков — это ведро картошки фри, куча шмоток и плохое кино с попкорном. Запиши это в свой знаменитый дневник, детка. Это настоящая университетская мудрость, передающаяся из поколения в поколение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.